

непримиримый карфагенянин

86

Девяти лет от роду Ганнибал произнес перед алтарем клятву, что всегда будет непримиримым врагом Рима. Армия Карфагена избрала его своим вождем, когда ему исполнилось двадцать пять.

Не только гениальный полководец, но и хитроумный политик, он сумел сделать в те времена, казалось бы, невозможное — противостоять могущественному Риму, выигрывая битвы на его же территории.

Вверху слева. Предположительно это изображение юноши-карфагенянина на votивной стеле является прижизненным изображением Ганнибала.

III век до н. э.

Справа. Преторианцы в парадном облачении. Фрагмент мраморного рельефа. I век н. э.

Невозможного для него не существовало: со своим войском он прошел через Пиренеи и Альпы, сумел привлечь на свою сторону и заставить воевать совершенно чуждые ему племена, шестнадцать лет он, не получая практически никакой помощи из своего отечества, вел успешную войну против самой воинственной из стран античности.

По иронии судьбы он потерпел поражение на «своем» поле, защищая Карфаген от войск римского полководца Сципиона. После подписания униженного и кабального мирного договора судьба вручила ему уже другой жезл: он стал претором (главой республики) и достойно исполнял свои обязанности. Но политика — это продолжение войны иными средствами. Уличенный в сговоре с сирийским царем против Рима, Ганнибал был вынужден бежать, побывал в Сирии, Армении, Греции, где по-прежнему командовал войсками. Будучи в изгнании, он не пожелал оказаться в плену у врага и принял яд. Его последние слова были: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпёж дожидаться смерти старика».

«...Замечательнейшее и важнейшее свидетельство того, что Ганнибал от природы наделен был свойствами полководства и что он более всякого другого был способен к государственной деятельности, состоит в следующем: семнадцать лет провел он на полях сражений, перебивал в многочисленнейших варварских странах, для осуществления своих замыслов, отчаянных и необыкновенных, пользовался услугами весьма многих инородцев; между тем никто никогда не злоумышлял на него, ни разу не был он покинут людьми, участвовавшими в его предприятиях и предоставившими себя в его распоряжение», — написал современник великого полководца греческий историк Полибий в 40-томном сочинении «Всеобщая история», фрагменты из которого, посвященные Ганнибалу, мы предлагаем вниманию читателей.

«Клятва Ганнибала». С картины Бенджамина Уэста, прозванного «американским Рафаэлем». 1770 год.

Полководец Гамилькар Барка перед походом на римлян привел своего сына к алтарю.

Ганнибал двинулся с войском из Нового города к Заканфе. Жители города имеют в своем владении область, изобилующую всякого рода произведениями и по плодородию превосходящую всю остальную Иберию. Здесь-то расположился лагерь Ганнибал и ревностно повел осаду в ожидании важных выгод, какие завоевание этого города сулило ему в будущем. Действительно, он, во-первых, рассчитывал сокрушить надежды римлян на ведение войны в Иберии; во-вторых, не сомневался, что запугает все тамошние народы и тем сделает иберов уже подчиненными более покорными, а совершенно независимых — более осторожными; всего же важнее было то, что в тылу не оставалось бы больше врагов и он мог безопасно идти вперед. Кроме того, Ганнибал надеялся приобрести этим способом обильные средства для осуществления своих замыслов, воодушевить войска ожиданием добычи, какая достанется на долю каждого, а отправкою добычи в Карфаген снискать себе благоволение оставшихся дома карфагенян. Побуждаемый такого рода соображениями, Ганнибал ревностно вел осаду, причем то подавал пример войску и сам принимал участие в тяжелых осадных работах, то ободрял солдат и смело шел в опасность. Ценою всевозможных лишений и трудов он взял наконец город приступом после восьмичасовой осады.

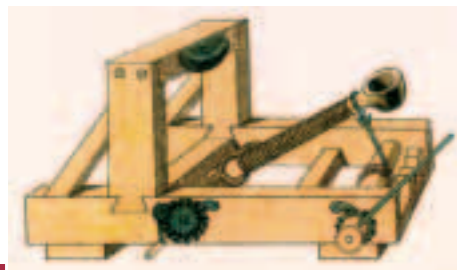
Ганнибал разделял взгляды Публия на тогдашнее положение и в противоположность ему старался поскорее сразиться с неприятелем, чтобы, во-первых, воспользоваться не остывшею еще ревностью кельтов; во-вторых, чтобы вступить в битву с неиспытанными, недавно набранными легионами римлян; он желал этого и потому еще, что Публий не мог пока участвовать в сражении, больше всего потому, что не хотел терять времени в бездействии. В самом деле, для человека, вторгнувшегося с войском в чужую страну и идущего на необыкновенно смелые предприятия, единственное средство спасения — непрерывно питать все новые и новые надежды в своих соратниках.

Сам он на рассвете собрал нумидийскую конницу, народ замечательно выносливый, ободрил их речью, обещал кое-какие награды за храбрость и приказал подойти к неприятельскому валу, поспешно переправиться через реку и метанием дротиков вызвать неприятеля на бой: он желал захватить римлян до завтрака, не приготовленными к сражению. После этого он созвал прочих начальников, к ним также обратился с ободряющей речью, велел всем завтракать и внимательно осмотреть вооружение и лошадей.

Заметив приближающихся нумидийских всадников, Тиберий тотчас отрядил только свою конницу и

Римский центурион.
Будучи в Италии, Ганнибал увидел, что римское вооружение значительно лучше африканского, и вооружил им карфагенскую армию.
Ниже. Метательное орудие римлян.

приказал ей вступить в битву с неприятелем. Вслед за нею он послал в дело и около шести тысяч пеших метателей дротиков; затем вывел из-за окопов остальное войско, полагая, что один вид его решит участь битвы; уверенность эту питали в Тиберии многочисленность воинов и успех конницы накануне. Дело происходило в пору зимнего солнцестояния; в этот день выпал снег, и погода стояла очень холодная; кроме того, все почти воины и лошади вышли из стоянки до принятия пищи. Вначале войска горели желанием боя, но потом, когда нужно было переправляться через реку Требию, вода в которой поднялась за ночь после дождя на ближайших к лагерю высотах, пехота переправлялась с трудом, потому что вода доходила солдатам по грудь. Вследствие этого войско страдало от холода и голода, ибо час был уже поздний. Между тем карфагеняне подкрепили себя пищею и питьем в своих палатках, накормили лошадей и подле костров намазывались маслом и вооружились. Ганнибал, выждавший благоприятного момента, лишь только увидел, что римляне перешли реку, послал вперед для прикрытия нумидян копейщиков и балиарян числом около восьми тысяч и затем сам двинулся с войском.

Когда войска сблизилась, началась битва между передовыми легкими отрядами. Уже в это время обнаружилось, что римляне во многом уступают неприятелю и что перевес в сражении находится на стороне карфагенян. Дело в том, что римские метатели дротиков были изнурены битвою с самого утра и в стычке с нумидянами выпустили большую часть дротиков, а оставшиеся сделались вследствие продолжительной сырости негодными к употреблению. Почти то же самое было и с конницей, и со всем войском римлян. Положение карфагенян было совсем иное: со свежими, нетронутыми силами встали они в боевую ли-

нию, с легкостью и ревностью выполняли все, что требовалось.

На зимней стоянке Ганнибал употребил еще следующего рода хитрость, достойную финикиянина: будучи связан с кельтами узами недавнего союза, он опасался непостоянства их и даже покушений на его жизнь, а потому заказал себе поддельные волосы, по виду вполне соответствующие различным возрастам, и постоянно менял их, причем каждый раз надевал и платье, подходящее к таким волосам. Благодаря этому он был неузнаваем не только для людей, видевших его мимоходом, но даже и для тех, с коими находился в постоянном общении. Далее, он замечал недовольство кельтов тем, что война тянется долго в собственной стране, видел также, с каким нетерпением ждут они вторжения в неприятельскую землю, по-видимому, из ненависти к римлянам, а на самом деле из жадности добычи, почему и решил поскорее сниматься со стоянки и удовлетворить желание войска. С этой целью Ганнибал, лишь только пора года изменилась, посредством расспросов узнал от людей, слывших за наилучших знатоков местности, что все пути в неприятельскую землю длинны и проходят на виду у неприятелей, за исключением одного, ведущего через болото в Тиррению, хоть и трудного, зато короткого. Всегда по природе склонный к такого рода предприятиям, он избрал этот последний путь.

Ганнибал сознавал, что обстоятельства вынуждают его к битве с неприятелем, но в то же время опасался, что недавнее поражение напугало его воинов; поэтому он решил, что следует ободрить войско, и созвал собрание. Когда воины собрались, Ганнибал предложил всем им бросить взгляд на окрест лежащие страны и затем спросил: о чем при настоящих обстоятельствах они могли бы больше всего молить богов, как не о том, чтобы, если можно, дать неприятелю решительную битву в такой местности, как эта, при значительном превосходстве их конницы над неприятельскою? Последовало всеобщее одобрение, потому что дело было совершенно ясно. «Поэтому, — сказал вождь, — прежде всего возблагодарите богов; ибо уготовляя нам победу, они завели неприятеля в такие места. Потом, благодарите и нас за то, что мы довели неприятеля до необходимости принять битву, ибо он не может более уклониться от нее и вынужден принять сражение в условиях, бесспорно выгодных для нас. Но, мне кажется, не подобает теперь обращаться к вам с пространственною речью,

Вверху. Рельефные изображения батальных сцен из древнеримской истории.

Во время Второй пунической войны в римской армии появились наемные солдаты, которые получали от государства не только одежду и оружие, но и жалованье. А в армии Ганнибала большую часть составляли иноплеменики.

Ганнибал. Гравюра неизвестного художника. XIX век.

Финикийский амулет. Стекло. IV—III век до н. э. Карфаген был основан в 825 году до н. э. финикийцами и пять веков был центром могущественной державы Средиземноморья, соперничавшей с Римом.

Справа. На рисунке Никола Пуссена изображен боевой слон. 1630 год.

Во время перехода через Альпы Ганнибал обратился к солдатам с речью, сказав, что горы — это не только стены Италии, но и стены самого Рима, преодолев которые армия обеспечит себе победу.

«Переход Ганнибала через Альпы». С картины Никола Пуссена. 1625 год.

ибо вы бодры духом и горите желанием боя. Пока в борьбе с римлянами вы были неопытны, я должен был это делать; тогда я держал к вам пространные речи, изобилующие примерами. Теперь, когда в трех столь важных сражениях, следовавших одно за другим, вы одержали решительные победы над римлянами, неужели какая-либо речь способна поднять дух ваш сильнее, чем самые подвиги ваши? Вот почему не нужно более слов — дела нужны; ибо с соизволения богов я убежден, что вскоре исполнятся мои обещания».

Отважившись затем на битву, Ганнибал действовал именно так, как при вооружении его войска следовало действовать в борьбе с римлянами. Тогда как римский военный строй и римское войско трудно разорвать, солдаты, оставаясь в том же строю, имеют возможность вести сражение отдельными частями или всею массой по всем направлениям, ибо ближайšie к месту опасности манипулы каждый раз обращаются лицом куда нужно. К этому следует добавить, что вооружение римлянина и обороняет его, и поднимает его дух, потому что щит его велик, а меч не портится в действии. Трудно поэтому бороться с римским солдатом и трудно одолеть его.

И все-таки Ганнибал умел принять своевременно против всех их приспособлений рассчитанные меры с несравненно проницательностью. Так, с самого начала он запасся большим числом слонов и потом ставил их перед боевой линией с целью расстраивать и разрывать ряды неприятелей. За слонами он помещал прежде всего наемников, а дальше карфагенян, дабы истощить силы врага в предварительной борьбе и продолжительной сечей иступить его оружие, а также для того, чтобы принудить карфагенян нахождение в середине оставаться на местах во время сражения, как говорит Гомер: «...чтоб каждый если не по воле, то по нужде сражался».

Воинов отборнейших по мужеству и отваге он ставил в некотором расстоянии от прочего войска, дабы они издали наблюдали за ходом сражения и, в целостности сохраняя свои силы и бодрость духа, могли в решительную минуту послужить своей доблестью. И если Ганнибал, до сего времени непобедимый, сражен был теперь, невзирая на то что сделал все возможное для достижения победы, то нельзя осуждать его строго. Иной раз судьба противодействует замыслам доблестных мужей, а иногда, как гласит пословица, «достойный встречает в другом достойнейшего».

По самому ходу событий мы вынуждены остановиться на Ганнибале, а потому, мне кажется, уместно будет выяснить некоторые черты его характера наиболее спорные. Так, одни считают его чрезмерно жестоким, другие — корыстолюбивым. Но относительно Ганнибала и государственных людей вообще не легко произнести верное суждение; ибо некоторые утверждают, что природа человека проявляется в чрезвычайных обстоятельствах, причем одни люди выдают себя в счастии и власти, другие, наоборот, в несчастье, как бы те и другие ни сдерживали себя ранее того. Со своей стороны, суждение это я нахожу неверным. Нередко, скорее даже очень часто, мы видим, что люди вынуждены бывают говорить и действовать вопреки собственному характеру под влиянием ли друзей, или изменчивых событий...

Обиженные жаловались на Ганнибала, причем одни обвиняли его в вероломстве, другие в жестокости. Да и, кроме того, при выходе из городов и при вступлении в них солдаты Ганнибала предавались грабежу, убийствам и насилию, ибо каждый из них воображал себе, что предоставленные самим себе жители тотчас перейдут на сторону врагов. Вот почему нелегко судить о характере Ганнибала, так как на него действовали и советы друзей, и положение дел; достаточно того, что у карфагенян он прослыл за корыстолюбца, а у римлян за жестокосердного. ■